

СТАЙН РОККАН, ДЕРЕК В. УРВИН

Политика территориальной идентичности

Исследования по европейскому регионализму

Проблемы центра и периферии в странах Западной Европы

На протяжении большей части двадцатого столетия концепция национального государства пользовалась широким признанием в качестве нормы территориальной организации, а родиной этой концепции считалась Западная Европа. В шестидесятых годах двадцатого столетия мнения наблюдателей по поводу настроений ирредентизма среди немецкоговорящего населения Альто-Адидже сходились на том, что страсти, кипящие в этом регионе, являлись атавистическим вторжением в спокойные, по большей части, воды западной политической сцены, и были тем исключением, которое, так сказать, подтверждает правило. Ближе к признанной норме находилась ситуация с шведоговорящим меньшинством в Финляндии. Финские шведы могли бы иметь свою собственную политическую партию, но они приняли не только правила игры, но и легитимность того государства, в котором оказались, в его наличной территориальной форме: другими словами, они определяли свою идентичность как финны, а не как шведы. Организации и активисты, заявляющие о наличии у группы населения, связанной с определенным регионом, некоторой идентичности, отличной от идентичности «национальной» популяции, и добивающиеся каких-либо территориальных изменений, а также получения политической автономии, давно уже были подвергнуты осмеянию как причудливый и раздражающий анахронизм и осуждению, воспринимаемая как сбившиеся с пути преступники и террористы.

Однако, события двух прошедших десятилетий сделали из «регионализма» и «этнонационализма» в исследованиях западных индустриальных обществ некое подобие политической и академической моды. И не без оснований, ибо в шестидесятые и семидесятые годы в этих странах стал заметно набирать обороты «регионально-этнический» протест против режимов и

политических центров. Политические объединения, порожденные норвежским референдумом 1972 года о вступлении в европейское экономическое сообщество и возродившие более историчную модель географической политики, – яркий пример проявления этой тенденции, как и движения, которые более четко и развернуто озвучили этно-националистические настроения в таких, к примеру, странах, как Бельгия, Испания и Великобритания. Покой оказался нарушенным даже в странах, которые, по общепринятому мнению, являются воплощением двух полюсов государственной организации в Западной Европе. Федералистской Швейцарии пришлось пережить два десятилетия, на протяжении которых набирали силу волнения в Юре, связанные с движением за разделение кантона Берн. Не осталась незатронутой волнениями и Франция, «образец» унитарного государства: с конца пятидесятых годов наблюдается усиление регионалистской политической активности даже в тех регионах, в которых нет популяции или меньшинств, имеющих основания претендовать на какое-либо этническое или историческое своеобразие (*distinctiveness*).

Подобные события и тенденции побудили представителей политической науки пересмотреть некоторые из ее концепций, ибо они вызвали некоторые сомнения на счет действенности доминирующих теорий, касающихся социальной мобилизации, экономического развития, политической интеграции, а также желательности и действенности политики перераспределения благ. По тем или иным основаниям, причиной сомнений являлось то обстоятельство, что ранее политическая наука выказывала мало симпатии тем группам, которые считались проигравшими в исторической игре; более того, поскольку этническая политика была, в некотором смысле, недавним «открытием», сложно было рассматривать эти группы в качестве социологических данных. Здесь не место в деталях обсуждать «традиционные» концепции, а также отступления от канонов и ревизионистские добавления, которыми они впоследствии обогатились. Достаточно сказать, что, во-первых, судя по наплыву публикаций за последнее время, теории и концепции, стоящие за прежним вынесением за скобки региональной, периферийной и/или этнической политики, а также теории и концепции, которые призваны дать объяснение не столь давнему выходу на арену националистических партий и групп, были предметом многих дискуссий. Во-вторых, фокус в первую очередь делался на отношении между этнической лояльностью и политическим поведением, и среди исследований, проведенных за прошедшее десятилетие, можно выделить по меньшей мере три общих подхода: внутригосударственная версия теории межнациональной экономической зависимости и маргинальности (внутренний колониализм), согласно которой поддержание этнической обособленности основано на культурном разделении труда; подход, в котором акцент делается на роли поддержания этнических различий посредством существования четко выраженных границ, которые более важны, чем то, что они отграничивают, то есть территориальное разграничение столь же значимо, как и различия в поведении; и более общий подход, в котором акцент делается на дихотомии центра и периферии, и в котором выражается стремление поместить этническое разнообразие в общую схему геополитического месторасположения, экономической силы

и доступа к тем местам, где принимаются решения. Так или иначе, академический ландшафт претерпел существенные изменения, возможно даже в большей степени, чем ландшафт политический. То, что большинство стран Западной Европы, если не все, являются многонациональными, обладая несколькими слоями идентичности, — с этим сегодня, пожалуй, согласны все. Таким образом, устройство всех этих стран должно включать в себя возможности политического выражения регионального/этнического протеста. Когда, как и в какой степени осуществляется превращение социальной обособленности в политическое явление — эти вопросы касаются как эмпирического исследования, так и теоретических построений.

Если бы нам пришлось заниматься поисками объяснений в событиях недавнего прошлого, достаточно было бы взглянуть лишь на три параллельных процесса изменений, которые оказывали влияние на Западную Европу с 1945 г. Во-первых, имел место процесс интернационализации территориальных экономик и неуклонное размывание межгосударственных границ в ходе распространения сообщений, идеологий и стилей организации. Во-вторых, спрос на ресурсы и ожидания удовлетворения этого спроса, а также производительная сила механизированного производства в каждом государстве возросли: давление, вынуждающее к распространению благосостояния и услуг в сфере образования, а также к увеличению помощи менее продуктивным секторам и регионам экономики увеличили стоимость затрат инфраструктуры. В-третьих наблюдался рост усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленной против национальных центров, и утверждение (или подтверждение) меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории. Можно построить такую весьма простую модель, связывающую три этих процесса изменений:

Увеличение степени интернационализации сделок → уменьшение возможностей центрального контроля → увеличение регионального протеста.

Но эта модель ничего не даст нам для понимания различий между странами Западной Европы. Правда, она может иметь некоторую ценность в исследованиях тенденций на протяжении некоторого периода времени, если рассматривать каждую страну по отдельности; но она не слишком поможет нам понять при рассмотрении различных регионов Европы причины разнообразия способов проявления напряжения между центром и периферией.

Здесь требуется взглянуть на проблему в более широкой исторической перспективе. К примеру, в семидесятых годах многие авторы, по сути, придерживались мнения, что достаточно вернуться к рассмотрению этнических проблем вроде тех, которые возникали до эпохи «модерна», из чего следовала не совсем совершенная, или даже временная, реализация подобных интересов в европейских партийных системах. Действительно, многие из сегодняшних движений и партий, защищающих интересы регионов, ведут свою родословную от первоначальных процессов массовой мобилизации. И напротив, в регионах, в которых сегодня базируются такие организации, почти непременно имеется какое-нибудь политическое проявление регионального недовольства: на самом деле, можно утверждать, что период с

1945 г. и примерно по 1960 г. представлял собой отклонение. Однако, небесполезно указать и на то, что такой рост мобилизации не является всеобщим: более того, есть области, обладающие в некоторых аспектах особой идентичностью – к примеру, Шлезвиг, Эльзас и Бавария – в которых наблюдается устойчивый спад энергии и жизнеспособности политической мобилизации, направленной в пользу конкретного региона. Эти конфликтующие тенденции нужно исследовать в контексте более традиционной позиции, согласно которой прошлые неудачи сепаратистских или этно-националистических движений можно приписать интегрирующей функции политических партий на ранних стадиях массовой политики; и несмотря на внимание, уделяемое в последнее время регионалистской политике, имеет смысл утверждать, что политическим партиям сопутствовал заметный успех в мобилизации поддержки в регионах: для большинства партий в большинстве стран неспособность успешно вести конкурентную борьбу в одном регионе, как правило, отражала подобную же неспособность по всем регионам государства. От упоминания политических партий остается лишь один маленький шаг в сторону подчеркивания значения контекстуального целого, внутри которого имеет место региональная мобилизация. Без сомнений, в анализ важно включить регионалистскую позицию. Но центр – просто потому, что это центр – все еще занимает решающую политическую роль не только в зарождении регионалистских настроений, но и в определении их содержания и, вероятно, перспектив их успеха. Более того, из предположения, что мы знаем, что такое этническое, и что бы ни лежало в его основе, мы не можем автоматически заключать, что этно-националистическое подтверждение о существовании связи между легитимностью на государственном уровне и этничностью несовместимо с лояльностью существующему государству.

Короче говоря, центры, периферии и группы, которые в них проживают, существуют в симбиозе. Первый шаг должен состоять в том, чтобы построить такую типологию территориальных образований, в которой информация об исторических истоках напряжений на каждой территории сочеталась бы с информацией о стратегиях унификации, характерной для элит, занятых государственным строительством. В историческом плане можно провести различие между двумя главными источниками территориальных напряжений: культурной дистанцией (будь то дистанция лингвистическая, религиозная или смешанная, «этническая») между центральными областями и «менее привилегированными» перифериями; и экономическими конфликтами между региональными центрами, соревнующимися за контроль над торговыми и промышленными ресурсами. Возможными показателями культурной дистанции, могут быть, к примеру, грамматические структуры языков, легкость или сложность в общении, затратность интеграции как элиты, так и массового населения в культурные сообщества. Подобным же образом, степень централизации экономических взаимодействий можно в некоторой степени оценить по структуре сферы влияния городской сети.

Понятию центра можно дать следующее краткое определение: это привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных/административных, экономических и культурных ресурсов; в котором имеются специально установлен-

ные места для обсуждений, переговоров и принятия решений; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности; где имеются памятники, символизирующие эту идентичность; где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на дальние расстояния сообщений и инструкций. Таким образом, центры – это, во-первых, места, в которых производятся услуги, а во-вторых, это – узлы коммуникативной сети. Два простых понятия – степень централизации и критерии центрального положения – являются ключевыми понятиями анализа любого аспекта централизованных структур, как например: снабжения ресурсами, расстояний, сообщений, оцененных в рамках трех общепринятых измерений дифференциации: политического контроля, экономического доминирования и культурной стандартизации. Как правило, центр контролирует основную массу взаимодействий между обладателями ресурсов по всей территории; он ближе, чем какое-либо другое место (site, location) находится к богатым ресурсами областям данной территории; он обладает возможностью занимать доминирующую позицию в потоке сообщений посредством стандартного языка и набора институтов систематического консультирования и представительства. Периферия же, напротив, зависима, контролируя в лучшем случае только свои собственные ресурсы, и более уязвима для флуктуаций в рынках, связывающих места, разделенные значительными расстояниями; она изолирована от всех регионов помимо центрального; не вносит значительного вклада в общий поток коммуникаций внутри данной территории; обладает культурой, которая не универсальна, не составляет самостоятельное целое, имеет значимость для ограниченного круга людей, и не является полностью преобладающей на политически определенной территории. Во всех этих сферах периферия зависит от одного или более центров, и ее положение в отрыве от последних понять невозможно.

На основе этих критериев центрального положения мы можем вывести простую дихотомию между моноцефальностью и полицефальностью. Моноцефальное территориальное образование – это такая структура, в которой в соответствии обоим определениям центра и по всем трем измерениям дифференциации (политическом, экономическом, культурном) имеется заметное первенство только одной области, или даже только одного города. Напротив, полицефальность означает более ровное, более однородное распространение признаков центрального положения по всей территории, и, возможно, пространственную сегментацию различных типов обладателей ресурсов, цепь функционально различных центров, каждый из которых обладает своим собственным профилем элитных групп.

Сочетая два измерения исторических напряжений в Западной Европе можно выстроить простую четверичную типологию условий территориальной унификации. Однако, как показано в диаграмме 1, в типологии, в основе которой лежат культурная дистанция и экономический конфликт, в одну клетку все же будут попадать страны с явно различной территориальной структурой. Чтобы достичь несколько большего разрешения, условия для дифференциации следует сочетать с классификацией различных стилей организации суверенной территории. И снова мы можем начать с простой ди-

хотомии. С одной стороны, существуют централизующие стратегии: все регионы и периферии, каков бы ни был их культурный или экономический статус, инкорпорированы в одну универсальную систему стандартизации. С другой стороны, существуют стратегии федерального соглашения (*federalizing accomodation*), согласно которым все регионы и периферии хотя и инкорпорированы в одно территориальное образование и подчинены одной системе коллективного принятия решений, по крайней мере в вопросах обороны и внешней политики, тем не менее имеют некоторые гарантии защиты и сохранения своего базового культурного своеобразия, а также некоторую автономию в принятии решений. Между этими двумя полюсами находится большая переходная зона смешанных стратегий: стандартизация только внутри ядра или на большей части территории; какие-то особые или варьирующиеся установления для периферий, которые активно выразили политическую волю к сопротивлению и к сохранению своеобразия; стандартизация норм закона, но предоставление либо одинакового, либо особого статуса для нескольких лингвистических и/или религиозных стандартов.

Очевидно, что на каждой территории в зависимости от условий имела своя стратегия унификации, но уже краткое ознакомление с историей показывает, что однозначного соответствия здесь не существует. Стратегии централизации использовались даже несмотря на вроде бы серьезные культурные разногласия, а федеральное соглашение возникало среди весьма сходных в культурном отношении территориальных образований. Контуры трехмерной типологии структур центр-периферия по этим измерениям не исчерпывают исторического разнообразия территориальных образований в Западной Европе, но эта типология может позволить придать системность исследованиям источников различий в региональной политике, а также оценке силы и интенсивности региональных и периферийных движений протеста. Однако, сначала нам следует разработать сравнительный анализ существующих вариантов давления, оказываемого на территориальное «национальное государство», и для этого, нам, естественно, придется вернуться к истории, к решающим фазам в формировании центров и попыткам конструирования идентичности, распространяющейся на все государство.

К сказанному можно добавить еще и следующее. Если, к примеру, посмотреть на тот весьма длинный список этнических и лингвистических меньшинств, которые существуют в Западной Европе, то нетрудно заметить, что лишь в нескольких случаях всеобщее настроение серьезным образом расстроило существующие формы политической активности, представляя собой проблему и/или став организующей силой, влияние которой вторглось на государственный уровень. Но независимо от того, каковы перспективы попыток установления региональной идентичности, наличие примеров выдвижения таких претензий и их обоснованность стали полезным напоминанием о зыбкой, если не искусственной, природе концепции национально-государства: политические связи являются условными, отнюдь не незыблемыми. Необходимо снова обратиться к государству — как к территориальному, а также социальному и юридическому понятию — и с помощью рас-

Диаграмма 1

Типология условий территориальной унификации

Экономическое своеобразие/экономическая конкуренция

Сильнее

Испания (Кастилия против Каталонии, Бискайи, Андалузии; полицефальная структура)
Швейцария (четыре языковых сообщества; религиозные различия; полицефальная структура)
Бельгия (два языковых сообщества; религиозные и экономические контрасты; моноцефальная структура)

Больше

Франция (некоторая лингвистическая гетерогенность: Эльзас, Бретань, Корсика; доминирует Париж)
Великобритания (обладающие своеобразием сообщества в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, но доминирует Лондон)
Финляндия (обладающее своеобразием лингвистическое меньшинство, но структура моноцефальная)

Слабее

Культурная дистанция

Германия (лингвистическая гомогенность; некоторые религиозные различия; полицефальная структура)

Италия (в основном лингвистически гомогенная, с многочисленными меньшинствами по границам; значительные экономические контрасты; полицефальная структура)

Нидерланды (в основном лингвистически гомогенная; религиозные контрасты; полицефальная структура)
Португалия (лингвистическая гомогенность; значительные экономические контрасты; моноцефальная структура)

Меньше

Австрия (в основном лингвистически гомогенная; в значительной степени моноцефальная структура)

Швеция (весьма гомогенная и моноцефальная структура)
Дания (в основном лингвистически гомогенная и моноцефальная структура)

Ирландия (весьма гомогенная и моноцефальная структура)

Норвегия (сильные лингвистические вариации; структура моноцефальная)

Исландия (весьма гомогенная и моноцефальная структура)

смотрения напряжений и стратегий, постараться прояснить отношения между территориальными регионами и группами, ведущими политику в пользу регионов. Отделяет такие региональные политические движения от масс природа их претензий к государству: они идентифицируют себя с территориями и группами, которые не совпадают с государственными границами и национальными популяциями, и предъявляют претензии к центральной власти от их имени. Хотя не все люди, проживающие на данной территории, могут идентифицировать себя с подобным движением или поддерживать его, последнее может потребовать контроля или участия в контроле над данной территорией, а следовательно, и над всеми, кто на этой территории проживает, независимо от политической позиции последних.

Поскольку все подобные движения идентифицируют себя, как правило, и с некоторой территорией, и с некоторой группой населения, понятно, что необходимо учитывать два взаимосвязанных пространственных измерения: первое из них можно назвать «пространством принадлежности» (*membershio space*), оно связано с принадлежностью к группе, которая обладает, и, возможно, знает об этом своем обладании, некоторыми общими социокультурными чертами, а второе — «территориальным пространством» (*territorial space*), которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживание на ней. Эти два измерения не обязательно должны совпадать. Вероятно, их можно, без особых натяжек, привязать к двум идеальным типам исторического процесса государственного строительства и формирования нации в Западной Европе: построенные таким образом порождающие определения заметно напоминают классическую дихотомию *Gesellschaft-Gemeinschaft*.

Определение территориального пространства в историческом плане лучше всего связать с династической экспансией, когда отдельный центр и его элита в результате завоевания приобретают возможность осуществлять контроль над большими территориальными областями. Вслед за установлением приемлемых и в достаточной степени безопасных границ, проводятся обдуманые усилия по унификации. Центр стремится обеспечить себе политическое и экономическое доминирование посредством эффективной системы административного контроля, и посредством постоянной сознательной политики культурной стандартизации создать из разнообразия единство. Другими словами, цель состоит в том, чтобы понятие государства было равнозначно занятию некоторой территории: в итоге мы получим чистое национальное государство. Границу же можно определить как линию, внутри которой находятся друзья.

Определение же пространства принадлежности лучше всего дать через веберовское понятие «*politische Verband*» — это собрание отдельных групп, каждая из которых обладает особой культурной идентичностью, ради особых политических или экономических целей. Ведущий мотив здесь, по своей сути, оборонительный: в результате соглашения эти группы устанавливают договор о взаимной терпимости и защите. Сохранить эту договоренность значит сохранить территориально различающиеся права и культурные идентичности, а также сохранить государство. Для пространства принадлежности границы определяются извне: они образуют линию, за кото-

рой находятся враги. В отличие от территориального пространства, идентичность здесь основана скорее на принадлежности своей группе, нежели на государстве, которое состоит из собрания различных идентичностей. Продолжая уже высказанную мысль, можно сказать, что территориальное пространство подразумевает моноцефальность, в то время как полицефальность характерна для пространства принадлежности.

В этих идеальных конструкциях полярность центр-периферия легко снимается. Хотя экономические различия могут сохраняться, при полном превосходстве фактора территориального пространства политическая централизация и культурная стандартизация будут обеспечены: без существования иной, нежели отождествление с государством, идентичности не будет никакой отчетливо выраженной периферии. Подобным же образом, в идеальном случае пространства принадлежности не будет какого-либо одного центра, а будет цепь экономических и политических центров, которые могут быть связаны с различными культурными идентичностями.

Таким образом, в этих идеальных типах различие центр-периферия не будет играть существенной роли. Чтобы использовать их аналитически в исследовании территориальных структур, можно соотнести две эти противоположности с предыдущим обсуждением исторических источников напряжения и стратегий унификации, разделяя их на компоненты национального строительства и государственного строительства. Приближения к этим двум противоположностям можно рассматривать как полюсы континуума национального строительства, которое можно разделить на четыре общие категории.

1. *Преимущественно территориальное пространство.* По всем трем измерениям дифференциации — культурному, экономическому и политическому — имеется четко выраженный центральный пункт контроля, при только слабых или отсутствующих региональных институтах, которые могли бы послужить приютом особой идентичности или функционировать в качестве агентов сбора участников политического движения или мобилизации для протеста. Когда все же возникает политический процесс, он как правило не имеет какой-либо сильной позитивной регионалистской перспективы, поскольку почти не наблюдается или вообще не наблюдается признаков идентичности иной, нежели отождествление себя с государством. Если возникает протест, направленный против центра, то о нем можно сказать, что он является почти катартическим по своему выражению; то есть, политическая мобилизация, как правило, является скорее центробежной, чем направленной конкретно в пользу чего-то. Короче говоря, этот протест, чаще всего, не образует открытого вызова господствующей территориальной структуре государства.
2. *Преимущественно территориальное пространство, но с сильными признаками пространства принадлежности.* Для большей части территории самоопределение равнозначно государству. Однако, в ограниченном количестве областей сохранилось самоопределение через принадлежность, отличающееся от самоопределения через территорию государства, и может характеризоваться некоторого рода институциональная инфраструктура

и/или менее отчетливые социальные признаки, которые могут поддерживать идентичность и, при наличии соответствующих катализаторов, служить фокусирующими точками мобилизации. Особенно, если они географически отдалены от центра и обладают экономикой, которая отличается от экономики остальной части государственной территории (особенно центра), слабее последней и/или подчинена ей, их можно более точно описать как «периферию», которая может обладать потенциалом генерирования политического протеста.

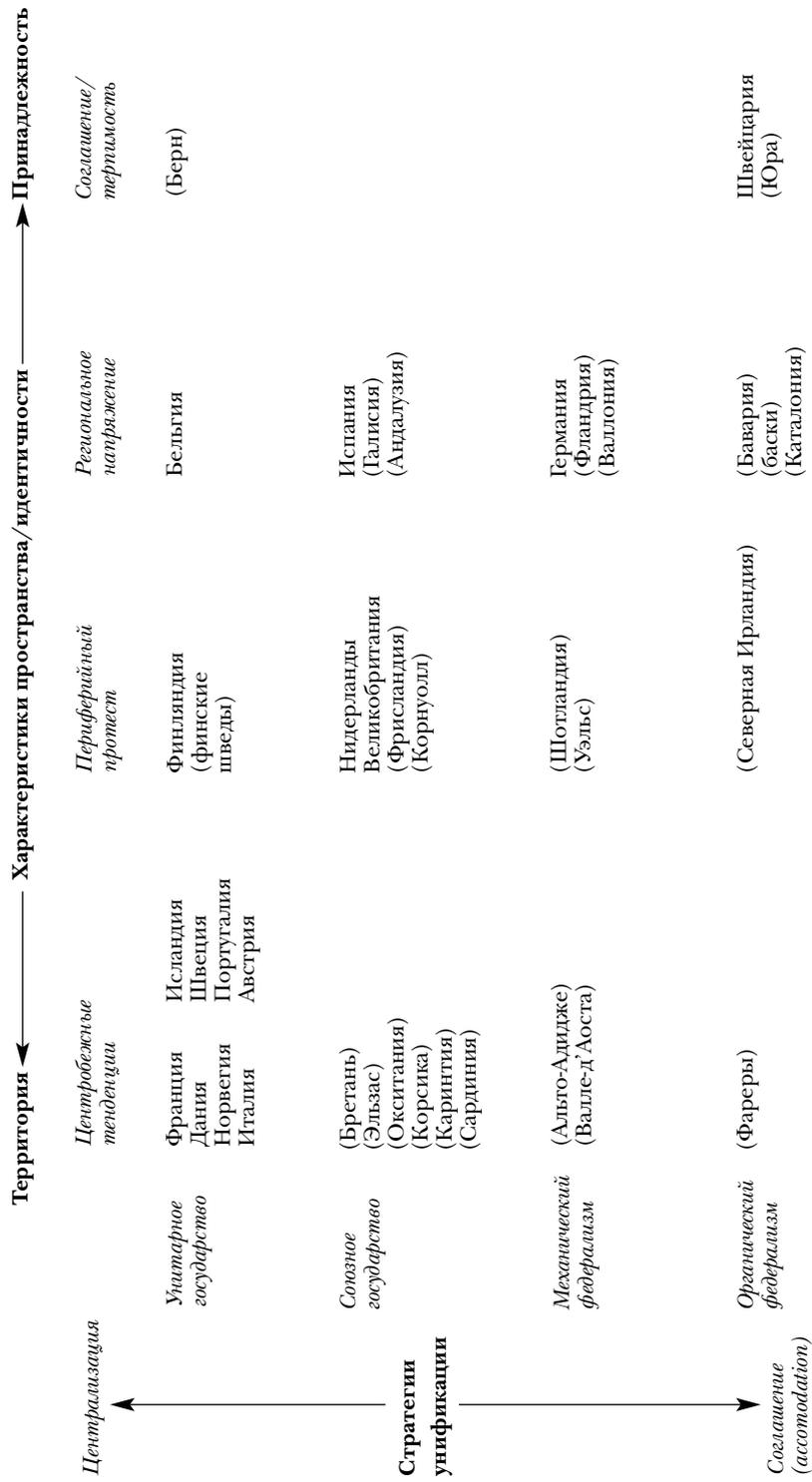
3. *Преимущественно пространство принадлежности, но с сильными признаками территориального пространства.* Преобладает идея соглашения, принятие разнообразия идентичностей и терпимость к нему. Однако, формат принадлежности подвержен напряжениям, производимым давлением изнутри. Напряжение возникает из-за появления одного или нескольких конкурирующих центров со своими собственными амбициями, преследующих цель территориальной стандартизации. Имеется ли только одно образование, стремящееся посредством военно-административной или экономической силы установиться в качестве доминирующего центра в федерации, либо же два или больше таких образований, преследующих ту же цель, результат будет тот же самый. Более ярко выраженное разнообразие идентичностей и более широкое и равномерное распространение центров распоряжения ресурсами делает простую характеристику ситуации как «центр против периферии» менее применимой: точнее будет в этом контексте описать территориальную политическую мобилизацию в терминах региональных напряжений и конфликтов.
4. *Преимущественно пространство принадлежности.* В идеальном случае имеется мало или не имеется вообще конфликтов между несколькими единицами, у каждой из которых – свой центр. Поскольку существование различий принимается, внутреннее разнообразие не создает напряжений и территориальной политической мобилизации, направленной против государственного устройства. Там, где напряжения все же возникают, они вызваны в первую очередь давлением извне, к примеру, в результате самоотжествления различных участников соглашения с разными соседними государствами. Эти отношения могут быть причиной напряжения, если два или более соседних государства ведут разную политику, в результате чего они вступают в непосредственный конфликт по поводу договора, или где участники последнего испытывают побуждение, вследствие их разных идентичностей, поддерживать ту или иную сторону в общем международном конфликте, который непосредственно с сутью договора не связан. Однако, если государство все же выживает, то договоренность о терпимости с вытекающей из нее множественно идентичностей участников соглашения усиливается.

Свойства институционально-структурного установления, вытекающие из идеальных конструкций, имеют более отчетливое отношение к стратегиям унификации. Из стратегий централизации и федерального соглашения можно выделить дихотомию, с учетом подобной же четвертной классификации государственного строительства.

1. *Унитарное государство* образовано вокруг одного четко выраженного политического центра, который пользуется экономическим господством и ведет более или менее последовательную политику административной стандартизации. Все области государства имеют сходное положение, и все институты находятся под прямым контролем центра.
2. *Союзное государство* — это уже не результат прямого династического завоевания. Инкорпорация по крайней мере некоторых частей его территории была осуществлена в результате межличностного династического союза в результате, к примеру, договора, брака или наследования. Интеграция не столь совершенна. Хотя административная стандартизация преобладает на большей части территории, факт межличностного союза влечет за собой выживание в некоторых областях досоюзных прав и институциональных инфраструктур, сохраняющих некоторую степень региональной автономии и служащих в качестве средства привлечения элиты из коренного населения.
3. *Механический федерализм* вводится, как бы, сверху, конституционными средствами. Система разных в территориальном отношении структур имеет силу для всех областей государства, принятая, или даже введенная, центром. Это разнообразие подчиняется, однако, иерархической системе власти, при этом центр политически и институционально сильнее любой другой составляющей части.
4. *Органический федерализм* введен снизу в результате добровольной ассоциации нескольких отдельных территориальных образований. Они сохраняют свои особые институциональные принципы, обладая широкими властными полномочиями. Власть центра ограничена, ему приходится учитывать значительную степень институциональной автономии, которой обладают составные части.

Эти базовые идеи неизбежно представляют собой грубое приближение, и нетрудно заметить, что два измерения государственного строительства и национального строительства во многом накладываются друг на друга. Однако, это не более чем отражение сложности реальности, и комбинирование этих измерений в простой типологии западноевропейских процессов государственного и национального строительства дает полезный обзор континентальной мозаики. Такая типология воспроизведена в диаграмме 2, которая демонстрирует значительный разброс стран по матрице от группы унитарных, стандартизирующих государств до федерального соглашения Швейцарии. Эта типология также показывает, в каком направлении можно проводить дальнейшие исследования отношений между этими двумя измерениями в каком-либо отдельном государстве. Диагональ северо-запад/юго-восток демонстрирует хорошее соответствие между историями государственного и национального строительства. Расположение в клетках, удаленных от этой диагонали, показывает степень, в которой имеется несоответствие между этими двумя процессами, и, таким образом, также возможности для разных стратегий территориальной политики. Более того, в клетках размещены регионы и группы. От диаграммы 2 не следует

Диаграмма 2
 Простая типология процессов государственного строительства и национальной стратификации
 в Западной Европе



ждать, что она содержит в себе исчерпывающий список регионов и/или периферий Западной Европы; она содержит лишь те из них, которые имеют некоторую степень исторического и/или современного своеобразия, и подсказывает возможности решений со стороны центра, которые могли бы удовлетворить соответствующие требования периферии. Эта типология дает лишь самые общие представления: определение места некоторых стран, а также многих периферий, представляет собой проблему. Но она предлагает общий свод проблем, для изучения которых задуман данный исследовательский проект.

Чтобы разработать компаративную методологию исследования существующего давления на территориальное национальное государство и на периферийную политическую мобилизацию, участники данного проекта попросили перенестись назад во времени и включить в свои исследования рассмотрение решающих фаз формирования центра и построения идентичностей государственного масштаба. Одних участников попросили представить широкомасштабный обзор того, как напряжения и стратегии производили на свет разные модели территориальной структуры современных западноевропейских государств и изменения в них. Другие, производя обзор с «ближней дистанции», сконцентрировались на успехах и неудачах периферийной мобилизации в ряде «проблемных областей».

Франк Аареброт (Frank Aarebrot) подчеркивает, что в Норвегии не существовало возможностей для регионализма: мог возникнуть только протест окраин, да и он, отчасти из-за отношений между движением страны к независимости и институциональными особенностями норвежской истории, был больше направлен на захват контроля над политикой центра или, в самом крайнем случае, на сильное влияние на нее. Можно добавить, что подобным же образом в исследовании послефранкистской Галисии, проведенном Сесаром Диасом Лопесом (Cesar Díaz López) заложено представление, что провинция, оказывая столь сильную поддержку лидирующей испанской партии, связала свою судьбу с центром: это стоит понимать не как захват центра, а, пожалуй, как выражение надежды, что в результате, к примеру, покровительства, провинции, возможно, достанется больше благ, чем в случае открытой оппозиции. А вот, Андрэ Фронье (André Frogner) и его коллеги указывают на неудачу, постигшую унитарное бельгийское государство в его стараниях достичь экономического и культурного баланса между Валлонией и Фландрией. Возникший в результате между ними конфликт, особенно из-за меняющегося характера территориального экономического процветания, с гораздо большим основанием можно рассматривать как случай регионального напряжения.

Германия же, напротив, не смогла установить на своей территории унитарное государство. Конституционное подчинение и попытка централизации были навязаны пестрому разнообразию региональных интересов, которые в большей или меньшей степени сопротивлялись стандартизации: только при Федеративной Республике был достигнут, в контексте структурных особенностей Германии и событий истории этой страны, более устойчивый баланс в результате согласования позиций рассмотренных территориальных единиц. В отличие от исторически полицефальной Германии, Великоб-

ритания более или менее успешно достигла моноцефальности, исходя из в корне различных территориальных структур: Дерек Урвин характеризует Великобританию как старое союзное государство, которое допускало существование своеобразия в своих различных перифериях и проводило политику особого стиля согласований между участниками. Напряжения, связанные с британской территориальной структурой, имеющие не такую уж давнюю историю, рассматриваются как результат интенсификации политики стандартизации, а также экономических изменений, которые отчасти являются следствием политики моноцефальности внутри все еще смешанного и неоднородного территориального образования.

Не считая Уэльса, ни в Германии, ни Великобритании язык не является основным источником территориальной дифференциации. Можем ли мы сказать, что язык служит основой своеобразия окраин и их политической мобилизации, или что он обостряет их? Во всех остальных рассмотренных здесь случаях разные лингвистические стандарты, на первый взгляд, являются главным элементом территориальных напряжений. Первая группа представляет «историю успеха». Одним из случаев такого успеха в плане соглашения с группой, которое породило территориальное равенство и местный унILINGВАЛЬНЫЙ статус, является случай финских шведов. В плане сравнительного анализа этой согласованности содействовал тот факт, что шведы не занимали обособленной части финской территории, и особенно тот факт, что многих представителей шведоговорящей элиты можно было обнаружить в финском центре. Ристо Алапуро (Risto Alapuro) в своем исследовании удачного случая с периферией Финляндии показывает, что это соглашение оказалось возможным в результате особого геополитического промежуточного расположения Финляндии между Швецией и Россией, меняющегося характера торговли в различных финских регионах и роста интегрированной кросс-локальной экономики, а также как следствие преданности урожденной шведоговорящей элиты идее финского государства. Федеральное соглашение в Швейцарии и возможности, которые предоставляет эта структура для дальнейшего разделения *в рамках* всеобщей федеральной структуры, представляет собой контекст проведенного Дэвидом Кэмпбэллом (David Campbell) анализа социального базиса поддержки юрского «сепаратизма», когда язык переплетается с религиозными и экономическими различиями. Кэмпбэлл показывает, что обладания отдельным языком оказалось недостаточно для того, чтобы сохранить целостность Юры как отдельного кантона перед лицом имеющих в территории религиозных разделений и экономических различий. А Эльзас представляет собой успех центра. Промежуточное звено между немецким и французским лингвистическими стандартами, при наличии диалектов немецкого происхождения, Эльзас переходил из рук в руки между двумя соседними государствами. Тщательно излагая события, происходящих в Эльзасе с 1918 года, Соланж Гра (Solange Gras) говорит о том, что диалект начал было объявляться символом своеобразия Эльзаса, но это движение было погашено упорным нежеланием французского центра признать данный ключевой лингвистический вопрос, а также международными событиями. Эльзас — это история сначала сопротивления, а потом подчинения культурной инкорпорации.

Параллельно этим главам идут другие, в которых обсуждаются нерешенные территориальные проблемы связанные, на первый взгляд, с языковыми различиями. Однако, все авторы приходят к выводу, что в исследованиях современного регионального и периферийного протеста роль языка переоценивалась: некоторые из участников данного проекта вполне осознанно обращают внимания больше на экономическую разнородность и экономические различия, вновь, вслед за Дэвидом Кэмпбэллом и Соланж Гра, делая акцент на важности интеграции в кросс-территориальный рынок труда. Например, в главе, посвященной Бельгии, говорится о том, что язык — это только одно из звеньев дифференцирующих факторов между Фландрией и Валлонией: язык может быть основным принципом различия, но территориальное напряжение связано также и с другими, экономическими различиями между двумя провинциями. Особенно интересен тот аргумент, что Брюссель был только одним элементом центра, который в культурном, так и в экономическом отношении распространялся далеко за пределы столицы, и что экономические изменения за последние несколько десятилетий создали в некотором смысле конкурирующий фламандский центр. Тот же момент, пожалуй, еще даже более отчетливо можно видеть у Марианны Хейберг (Marianne Heiberg), которая рассматривает язык больше как символ баскских политических активистов, или даже просто предлог. Сельские районы, являющиеся оплотом языка, отделены от расположенных в городе групп, которые составили первую ведущую силу периферийного национализма, этот момент, появляется и в исследовании Галисии у Диаса Лопеса: в обоих этих испанских окраинах язык служит больше прикрытием экономического недовольства и проблем, а они у разных групп в периферии разные.

Согласно интерпретации проблемы басков у Марианны Хейберг, корень данной проблемы содержится в разделениях внутри культурной периферии. Это лишь один аспект общей мысли, которая прочитывается во многих из этих глав: редко можно наблюдать четкую полярность в самоопределении и/или конфликте между национальным центром и своеобразной в культурном отношении периферией. Дерек Урвин, к примеру, показывает, что в историческом плане политические партии Германии, в каждой из которых в некоторой степени отражалась несовершенство интеграции и стандартизации Рейха, могли принимать различные центристские и регионалистские позиции по различным вопросам; а Дэвид Кэмпбэлл убедительно демонстрирует степень внутренних различий в пределах Юры. Сложности периферийной политики замечательно иллюстрирует проведенный в исследовании Соланж Гра анализ многочисленных групп, имеющих разные идентичности и разные мотивы, которые соединились ради политической борьбы за автономию Эльзаса. Можно удивляться тому, что участники политических движений, основанных в регионах, видят себя глашатаями возникающей на периферии политики будущего, которая защищала бы и усиливала особую культуру и идентичность конкретной области, и что те, кого они воспринимают как противников — это проводники центральной политики и носители культуры центра. Однако, не является чем-то невообразимым, к примеру, когда стране басков испаноговорящие студенты, симпатизирующие баскам, могут придерживаться мнения, что убийство баскоговорящего полицейского мо-

жет дать хороший стимул для периферийного национализма — пример, который показывает, что довольно несложно перевернуть этно-националистический подход с ног на голову. Не существует простой полярности центр-окраина, сохраняющей свою значимость по всей культуре, экономике и политике. Проблемы, связанные с политизацией периферии, коренятся в несоответствии между культурными, экономическими и политическими ролями.

Перевод с английского Артема Смирнова

По изданию: The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism/Edited by STEIN ROKKAN & DEREK W URWIN (SAGE Publications, 1982), p. 1-17.